

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Л Ъ.

1878.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСѢИИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАСHEВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскнхъ мостами, д. № 90-1.

1878.

198
1878

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршіи періодъ. . . . . . Г. Мирковича.

Византійскіе лѣтописцы, какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ, въ періодъ паденія ихъ самостоятельности. В. Качановскаго.

Замѣтки о разработкѣ обычнаго права. Θ. Леонтовича.

Критическія и библиографическія замѣтки.

Древній славянскій переводъ Псалтыри. Исслѣдованіе его текста и языка по рукописямъ XI—XVI вѣковъ. В. Срезневскаго. . . . . В. Ламанскаго.

Наша учебная литература.

Рѣчь, произнесенная протоіереемъ С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Знаменскимъ.

Императорская публичная бібліотека въ 1876 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты.

Извѣстія училища. . . . . . С. Цурминскій.

Отдѣлъ классической филологіи и Приложение.

(См. на 3-й стр. обертки.)

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Древній славянскій переводъ Псалтыри. Изслѣдованіе его текста и языка по рукописямъ XI—XIV вѣковъ Вячеслава Срезневскаго. С.-Пб. 1877.

Настоящее изслѣдованіе принадлежитъ сыну знаменитаго нашего слависта, уже обратившему на себя вниманіе ученыхъ старательнымъ изысканіемъ о народныхъ скандинавскихъ и русскихъ календаряхъ. Этотъ новый трудъ нисколько не уступаетъ послѣднему въ тщательности и внимательности къ необходимымъ мелочамъ и подробностямъ.

Сочиненіе г. В. Срезневскаго о древне-славянской Псалтыри состоитъ изъ предисловія и двухъ частей. Въ предисловіи авторъ излагаетъ цѣль и задачу своего изслѣдованія, ходъ своихъ предварительныхъ работъ и содержаніе настоящаго труда, съ краткимъ объясненіемъ главнѣйшихъ выводовъ относительно древне-славянскаго текста и перевода Псалтыри. Первая часть (стр. 5—88) состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: а) Предварительныя изысканія. Славянскія рукописи, сохранившія древній переводъ и ихъ описаніе (стр. 5—8). Тутъ авторъ предлагаетъ свои соображенія, почему онъ счелъ достаточнымъ остановиться лишь на рукописяхъ XI—XIV вѣковъ, и замѣчанія объ описаніи рукописей Синодальной бібліотеки въ Москвѣ и о томъ планѣ, котораго слѣдуетъ держаться при описаніи рукописей, какъ источниковъ къ возстановленію изслѣдуемаго памятника. Наконецъ, авторъ вкратцѣ и дѣльно говоритъ о значеніи Псалтыри въ древне-русской жизни и письменности и о различныхъ видахъ Псалтыри, то есть, простой, толковой, слѣдованной и Псалтыри смѣснаго гвѣнія или строгія.—б) Обзоръ списковъ Псалтыри XI—XIV в. (стр. 9—72). Здѣсь авторомъ описаны, слѣдующія рукописи: XI вѣка: Евгеньевская Псалтырь, Слуцкая, Вычковская—безъ толкованій, толковая Толстовская, Чудовская съ толкованіями Феодорита; рукописи XII в.: толковая Погодинская, Волонская; рукописи XIII и XIV в.: Норовская, Сино-

дальная 1296 г., Аѳонская (хранится въ монастырѣ св. Павла), Зографская, Хлудовская, Дечанская (Гильфердинговская), Новгородскія смѣснаго строенія, Новгородская Передницкая, Новгородская Софійская, Румянцевская, Сенастьяиновская (въ Рум. и публ. Моск. музеяхъ), Хлудовскія (двѣ рукописи).—в) Свѣдѣнія о Псалтыряхъ, не сохранившихся въ подлинникахъ, а именно объ одной Чудовской, извѣстной по нѣкоторымъ помѣткамъ на Синод. списокѣ 1296 г., о Псалтыряхъ Иларіона митрополита Кіевского, Владиміра Мономаха и Данила Паломника (цитруемыхъ въ ихъ сочиненіяхъ).—г) Греческій текстъ Псалтыри. Здѣсь, кромѣ указаній на списки издавныя, описаны вкратцѣ и нѣкоторыя греческія рукописи: Псалтырь IX в., принадлежавшая Норову, теперь собственность публичнаго Московскаго музея, Лобковская псалтырь IX—XII в., греко-сиро-арабская Псалтырь IX в., Псалтыри X—XIII в. Лаврентіевской Медицейской бібліотеки, Лондонскіе папирусныя отрывки. Наконецъ, сообщены замѣчанія о толкованіяхъ Псалтыри.

Вторая часть изслѣдованія представляетъ обильный матеріалъ для сличенія древне-славянскаго перевода Псалтыри съ греческимъ оригиналомъ и состоитъ изъ краткихъ предварительныхъ замѣчаній, словаря греко-славянскаго (стр. 5—59), то-есть, указателя греческихъ словъ одного текста Псалтыри безъ толкованій, съ отмѣтою словъ древне-славянскихъ, съ обозначеніемъ псалма, а иногда и стиха, наконецъ, нѣкоторыхъ вариантовъ греческихъ и славянскихъ. Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній для характеристики состава переводнаго славянскаго языка (стр. 59—63), авторъ сообщаетъ параллельный славяно-греческій сводъ словъ (стр. 63—88). Затѣмъ идутъ списки именъ собственныхъ, чужихъ словъ, употребленныхъ въ славянскомъ переводѣ (стр. 89—91), и замѣчанія синтаксическія о славянскомъ текстѣ сравнительно съ греческимъ относительно выраженія подлежащаго, и сказуемаго и употребленія неопредѣленнаго склоненія (стр. 92—105). Въ концѣ книги авторъ представляетъ свои заключенія о способѣ перевода.

Въ сочиненію приложены семь прекрасно исполненныхъ при помощи фотографіи и печатанныхъ частью посредствомъ свѣтопечати, частью фотолитографіи снимковъ изъ Псалтыри Евгеніевской, Чудовской, Толстовской, Волонской, Бычковской и Новгородскихъ.

Таково содержаніе этого труда молодого ученаго. Не всѣ, конечно, части обработаны съ одинаковою полнотою и строгостію. Въ разныхъ отношеніяхъ можно бы пожелать нѣкоторыхъ исправленій и до-

полненій. Но во всякомъ случаѣ, какъ уже видно изъ краткаго обзорѣнія содержанія, этотъ трудъ свидѣтельствуетъ о большой настойчивости, внимательности и выдержанности автора и заслуживаетъ благодарности ученыхъ. Посвящая изслѣдованіе отцу своему, молодой ученый нашъ не только проявилъ дорогую отцу нѣжность сыновняго чувства, но и представилъ ему достойный знаменитаго слависта подарокъ.

Правда, сынъ почтеннаго слависта находился въ особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ совѣтахъ и руководствѣ своего заслуженнаго родителя, въ его обширной библиотекѣ и въ его рабочемъ кабинетѣ г. В. Срезневскій съ легкостью находилъ не только всѣ тѣ нужныя указанія и пособія, которыя съ великимъ трудомъ достаются большей части начинающихъ ученыхъ дѣятелей, но и рѣдчайшіе рукописные памятники, доступъ къ которымъ затруднителенъ для многихъ и многихъ ученыхъ. Такъ отъ отца своего г. В. Срезневскій получилъ для пользованія не только рукописи Петербургскихъ или Московскихъ библиотекъ (списки псалтыри Погодинскій, Толстовскій, Синодальный, Чудовскій, но и иностранныхъ (напримѣръ, Псалтырь Болонскую). Самъ авторъ справедливо признается, что это дало ему „возможность сдѣлать сводъ разночтеній безъ особой потери времени“. Но и при всѣхъ этихъ облегчающихъ обстоятельствахъ, трудъ молодого г. Срезневскаго приноситъ ему великую честь и позволяетъ надѣяться, что своею дѣятельностью онъ поддержитъ славу имени, уже сорокъ слишкомъ лѣтъ пользующагося столь почетною извѣстностью въ русской и славянской наукѣ.

Нѣкоторыя частности и подробности, отдѣльныя замѣчанія и соображенія въ изслѣдованіи г. В. Срезневскаго требуютъ, мнѣ кажется, поправокъ и измѣненій или за неясностью вызываютъ кое-какія недоумѣнія. Чѣмъ важнѣе задача труда, чѣмъ добросовѣстнѣе трудъ, тѣмъ строже можно относиться къ его слабымъ сторонамъ, тѣмъ внимательнѣе должны быть отмѣчены отдѣльные его промахи и ошибки. Прежде всего укажу нѣкоторыя такъ-сказать неловкости и не отличающіяся особенною точностью и опредѣлительностью филологическія замѣчанія автора:

Часть I, стр. 3. Въ числѣ важныхъ вопросовъ филологическихъ въ области славистики авторъ отмѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующіе: „Въ какой степени зависимости начало письменности отъ введенія христіанства на славянскую почву; былъ ли общій языкъ у Славянъ въ то время, и если не былъ, а представлялъ нѣ-

сколько отдѣльныхъ говоровъ или даже нарѣчій, то въ какомъ отношеніи были эти отдѣльныя части къ тому языку, на которомъ написаны наши священныя книги; былъ ли наконецъ языкъ, называемый церковно-славянскимъ (древнимъ), языкъ, остававшійся тяжкимъ бременемъ на развитіи нашей русской литературы, давившій ея свободный ростъ въ силу присвоеннаго права единственно литературнаго языка,—языкомъ, фактически существовавшимъ съ тою идеальною правильностію, которой не сохранили-вполнѣ даже лучшіе въ этомъ отношеніи древнѣйшіе памятники славянской письменности?”

Если „введеніе христіанства на славянскую почву“ и „начало письменности“ относить къ половинѣ IX в., а не ко временамъ гораздо болѣе раннимъ, то задаваемый авторомъ вопросъ: „былъ ли общій языкъ у Славянъ въ то время, и если не былъ, а представлялъ нѣсколько отдѣльныхъ говоровъ или даже нарѣчій“, такой вопросъ является совершенно неумѣстнымъ, такъ какъ ни историко-этнологическія, ни филологическія данныя не позволяютъ сомнѣваться, что въ половинѣ IX в. и даже гораздо раньше главнѣйшія славянскія народности и нарѣчія ужь успѣли въ значительной степени обособиться и удалиться отъ первоначальнаго своего общаго типа. Еще въ VI—VII вв. Славянское племя является широкоразвѣтвившимся деревомъ съ далекими побѣгами на югъ, юго-западъ, западъ и сѣверо-западъ. Уже въ это отдаленное время славянскія народности рѣзко разнились между собою вслѣдствіе разности климатовъ и культуръ занятыхъ ими странъ, равно какъ и разнородности жившихъ между нихъ и съ ними иноплеменниковъ. Все это разнообразіе внѣшней природы, историческихъ и этнологическихъ условій не могло не отражаться и въ языкъ. Выстъ съ тѣмъ, судя по той медленности и постепенности, съ которою совершались перемѣны въ нарѣчіяхъ славянскихъ въ вѣка доступные наблюденіямъ, благодаря сохранившимся памятникамъ письменности можно съ достовѣрностію полагать, что, за исключеніемъ особыхъ катастрофъ, извѣстныхъ въ славянской исторіи только въ одномъ случаѣ—со Славянами Болгарскими, также медленно и постепенно совершались фонологическія и морфологическія измѣненія въ нарѣчіяхъ славянскихъ и въ VII—IX вв. Предполагать же и возводить начало славянской письменности и главные переводы священныхъ книгъ въ VI—VII вв. едва ли есть строгое основаніе. Нельзя также оставить безъ возраженія и сдѣланное авторомъ

вскользь замѣчаніе о вліяніи древне-славянскаго языка на развитіе русской литературы. Это замѣчаніе поражаетъ своею односторонностью. Не странно ли утверждать, что этотъ языкъ оставался тяжкимъ бременемъ на развитіи русской литературы, давилъ ея свободный ростъ въ силу присвоеннаго права единственно литературнаго языка. Перенесеніе къ намъ и развитіе на Руси церковно-славянской письменности есть явленіе великой исторической важности. Самыя великія и самыя благотворныя по своимъ послѣдствіямъ историческія явленія всегда, разумѣется, имѣютъ и нѣкоторыя темныя стороны. Служа великимъ интересамъ человѣчества и народовъ, онѣ всегда болѣе или менѣе нарушаютъ кучу частныхъ интересовъ. Это можно сказать про открытіе Америки, про изобрѣтеніе книгопечатанія, про телеграфы и желѣзныя дороги. Но не странно ли, говоря о томъ или другомъ изъ этихъ явленій, упоминать о ихъ вредныхъ послѣдствіяхъ и совершенно умалчивать о ихъ благотворномъ вліяніи? Исключительно и односторонне было бы, говоря даже о прежнемъ господствѣ латинскаго языка въ западной Европѣ, упоминать только о его вредномъ вліяніи. Но еще одностороннѣе и несправедливѣе такое сужденіе о древне-славянскомъ языкѣ по отношенію къ русской письменности. И когда же, въ какой вѣкъ древне-славянскій языкъ считался у насъ единственно литературнымъ языкомъ, и писать по-русски считалось недозволительнымъ и неприличнымъ? Въ самой исторіи духовной проповѣди мы имѣемъ на каждое почти столѣтіе по нѣскольку писателей, прекрасно владѣвшихъ русскимъ языкомъ. И когда же на Руси до Петра I исчезалъ чисто народный языкъ въ нашихъ актахъ и грамотахъ? Если же съ начала XVIII в. нашъ дѣловой и правовой языкъ подвергся значительной порчѣ, то виной этому былъ всего менѣе языкъ церковно-славянскій. Въ вопросѣ о народности литературнаго русскаго языка нельзя же являться съ требованіями умѣстными въ малыхъ словесностяхъ, какъ напримеръ, въ сербской, малорусской и пр. Требованіе Вука Караджича писать такъ, какъ говоритъ народъ, не исполнимо нигдѣ со всею буквальною строгостью, и всего менѣе въ литературѣ великаго историческаго народа, литературный языкъ котораго сложился исторически, на основѣ нѣсколькихъ народныхъ говоровъ и поднарѣчій. Если подъ вліяніемъ церковнаго языка нашъ языкъ отзывается иной разъ нѣкоторою искусственностью, то нельзя же забывать, что извѣстная искусственность есть общій удѣлъ всѣхъ великихъ литературныхъ языковъ. Тутъ—правда—ихъ слабая сторона, но она все же не лишаетъ

ихъ великаго преимущества передъ чисто народною словесностью отдѣльныхъ діалектовъ.

Что касается вопроса г. В. Срезневскаго: „былъ ли наконецъ языкъ древне-славянскій языкомъ, фактически существовавшимъ съ тою идеальною правильностью, которой не сохранили вполнѣ даже лучшіе въ этомъ отношеніи древнѣйшіе памятники славянской письменности“,—то этотъ вопросъ трудно и понять. Что въ самомъ дѣлѣ значить: языкъ существуетъ, да еще фактически, съ правильностью, къ тому же идеальною, и притомъ такою, „которой не сохранили вполнѣ даже лучшіе въ этомъ отношеніи памятники“? Очень вѣроятно, что авторъ тутъ имѣлъ въ виду строгую выдержанность единообразнаго правописанія, полноту и обиліе формъ и постоянство въ ихъ употребленіи. Если этой идеальной правильности мы не находимъ даже въ древнѣйшихъ памятникамъ XI в., то это потому, что не только въ XI, но и въ предыдущія столѣтія, не только для древне-славянскаго или церковнаго языка, но и для другихъ славянскихъ нарѣчій, уже наступилъ въ извѣстной степени періодъ упадка и смѣшенія формъ. Въ этомъ смыслѣ авторъ выразился не совсѣмъ вѣрно, говоря (II, стр. 97): „Отношеніе языка греческаго текста священно-богослужебныхъ книгъ къ славянскому языку въ то время, когда совершенъ былъ переводъ, было неравное: греческій языкъ шелъ по пути къ потерѣ своихъ формъ, славянскій языкъ былъ еще въ полномъ грамматическомъ развитіи“. Строго говоря, сказанное здѣсь про греческій языкъ можетъ быть сказано и про греческій языкъ Омира, и про древній zendъ и санскритъ, а не только про славянскій языкъ письменныхъ памятниковъ. Словомъ, исторія не заставетъ уже ни одного изъ индо-европейскихъ языковъ въ полномъ грамматическомъ развитіи. Слѣдовательно, тутъ у автора сказано относительно греческаго языка слишкомъ мало, а относительно славянскаго языка—слишкомъ много, ибо, судя по аналогіи, и въ IX в. славянскій языкъ не могъ находиться, въ строгомъ смыслѣ, въ полномъ грамматическомъ развитіи.

Ч. I, стр. 13. „Какъ особенность въ текстѣ Евгеніевской Псалтыри, только въ ней находящаяся, это форма достигательнаго наклоненія въ 9 ст. СIII Цс. съ измѣненіемъ въ ед. число формы множ. Ни обратится покрыть земля οὐδέ ἐπιτρέφοισι χαλόφαι τῆν γῆν, хотя въ другихъ мѣстахъ, гдѣ можно бы ожидать, ея нѣтъ“ (чего? формы множ. или формы достигательнаго наклоненія съ измѣспіемъ и пр.?).

По прямому смыслу словъ автора слѣдуетъ, что достигательное

наклоненіе измѣняется въ числахъ. Но конечно, авторъ не думаетъ этого. Напрасно однако, можетъ быть, зависящее чисто отъ описки, во всякомъ разѣ случайное употребленіе 3-го л. ед. ч. наст. времени вмѣсто множественнаго авторъ поставляетъ въ какую-то таинственную связь съ достигательнымъ наклоненіемъ. Тутъ сунниная форма открытъ рѣшительно не при чемъ.

I, стр. 16. „Формы прошедшаго совершеннаго постоянно полныя, а не сжатая—сокращенныя преимущественно свойственныя памятникамъ юго-западнаго письма: въздвигохъ им. въздвигъ, извидоша им. извидѣ, надоша им. надѣ“.

Стр. 21. „Въ спряженіяхъ формы 3-го л. множ. прошедш. вр. съ сжатымъ окончаніемъ и сжатымъ корнемъ... възвергѣ, изнемогу, падоу, выпаде, изидоу, възвѣсь, обрѣтъ, оутѣша, възвѣсьса, отвѣсьса.“

Мы не можемъ одобрить названій, какія даетъ авторъ аористу сильному или второму (идѣ, идомъ, идѣ) и первому или сложному аористу древнему съ *с* им. позднѣйшаго *х* въ 1-мъ ед. и *ш* въ 3-мъ л. множ. ч. Названія полное и сокращенное наводятъ на мысль о происхожденіи одного изъ другаго, при чемъ полное является древнѣйшимъ, а сокращенное новѣйшимъ. Между тѣмъ аористъ 2-й ни въ славянскомъ, ни въ какомъ иномъ родственномъ языкѣ, гдѣ сохранился (онъ не сохранился въ литовскомъ, готскомъ и кельтскомъ)¹⁾, не происходитъ отъ аориста 1-го. Аористъ же 1-й съ *с* во всякомъ случаѣ древнѣе аориста съ *х* и *ш*. На стр. 41 авторъ замѣчаетъ: „Полное указаніе формъ такого прошедшаго времени съ сжатымъ корнемъ и съ особымъ окончаніемъ 3-го л. на *ѣ* см. въ описаніи В. Ламанскаго“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что авторъ признаетъ за одно прошедшее и формы погыбѣ и смѣсьса, потѣша и въздвигѣ. Что касается до названій прошедшаго съ сжатымъ корнемъ и съ сжатымъ окончаніемъ, то трудно понять, почему, напримѣръ, формы заѣсьса и приѣсь имѣютъ сжатый корень, а формы заѣша и приѣхъ его не имѣютъ. Еще непонятнѣе намъ слѣдующее замѣчаніе автора на стр. 21: „Замѣчательно (ы) 1-е лицо придѣ (какъ и въ Болонской) и формы 3-го л. ед. прош. на *тъ* им. *хъ*: клѣтъсь, распѣтъсь (былъ распятъ)“. Форма придѣ (1-е л.) замѣчательна не менѣе придѣ (3-е л. мн.) и другихъ подобныхъ примѣровъ прошедшаго, какъ его называетъ авторъ, съ сжатымъ окончаніемъ. Не особо, а къ разряду этихъ примѣровъ слѣдовало автору отнести и форму придѣ.

¹⁾ Въ латинскомъ участвіи лишь нѣкоторые остатки аориста 2-го.

Формы же 3-го л. ед. прош. сов. на *тъ* замѣчательны тѣмъ, что это есть обыкновенное окончаніе нѣкоторыхъ глаголовъ, напримѣръ, *нѣти*, и всѣхъ съ нимъ сложныхъ, *вѣлати*, *жѣти*, *жити*, и проч.

I, стр. 20: „Любопытна форма *днинь* (Вол. *денянь*), образованная въ параллель пощянь: пощянь бо прѣданъ бы ꙗь днинь бо распятса. Она попадаетса и въ Чудовской псалтыри XI в.“

Днинь встрѣчается и въ другихъ древнихъ памятникахъ, напримѣръ, въ Супрасльскомъ спискѣ, и отдѣльно, а не въ сочетаніи съ пощянь. У Сербовъ и теперь говорится *данью*, *interdium*. Ношу дневлю непрестано. Слово *путь* (*пѣть*) имѣло иногда и женское склоненіе, мы говоримъ: *нервонутка*. Въ литовскомъ *diena* съ основ. на *а* женск. р.; род. п. *dienos*. Такъ и слав. *моучь* и *моуча* (ж. р.).

I, стр. 20: „Любопытна форма пред. над. *Жидохъ* (въ Вол. *Жидовѣхъ*); можетъ быть впрочемъ, она относится къ числу сжатыхъ словъ, вслѣдствіе намѣренного или нечаяннаго пропуска слога, напримѣръ, *прость* вм. *продать*, *ради* вм. *расѣди*, *забываѣши* вм. *забыѣши*, *непрѣждь* вм. *непрѣдаждь*, *хранильца* вм. *хранильница* и т. п.“

Формы *Жидовиць*, *Жидовомъ*, *жидовы* (*вин*), *жидовѣхъ* попадаютса иногда въ одномъ и томъ же древнемъ памятникѣ вм. съ формами *Жидомъ*, *Жидохъ*, *Жиды* (тв. п.); у однихъ основа *Жидов*, у другихъ *Жид*. Что касается *забыѣши*, то не смѣю утверждать, но полагаю возможнымъ не приписывать этой формы опискѣ или нечаянному пропуску слога. Въ одномъ бумажномъ сборникѣ С.-Петербургской духовной академіи (Соф. № 1454), въ известной статьѣ о камняхъ, читается: „и аще вопросъ будаше *ѣу* ту *абиѣ* въсияше *адамась* и свѣтомъ блискааше *ся*, аще ли не быше годно прѣбывааше въ своемъ чину *камькъ*. аще Богъ хотяаше на мечъ предани *люди*, бывааше *крававъ*. аще ли смерть *найти* хотяаше и *бнетъ* чрънь“ (л. 181). Въ другомъ Кирилловскомъ сборникѣ (№ ¹⁰/₁₀₈₇) это же мѣсто читается: „*боудяше черпъ*“ (л. 204). Отмѣченное Востоковымъ *небыѣа* едва ли правильно сочтено Миклопичемъ *певѣрпымъ*. Срви. *быти* *бывати*, *вѣти* *кывати*, *кынь*, *кыѣши*, также *жмудск.* *виуи* (1-е л. наст.) *бынь* и *виуи* *бѣдѣ* (безъ *д*).

Стр. 21: „Въ степеняхъ сравненія замѣчательна форма *высочакъ*“.

Она замѣчательна не болѣе всѣхъ другихъ подобныхъ формъ сравнительной степени: *кринъчаи*, *льгчаи*, *тънчае*, *доблаи*. *ѣ* переходитъ въ *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и *ј* также и въ повел. накл. *бигаше*, *сѣрацамаъ* и пр.

II, стр. 110: „Такое подробное сличеніе слав. перевода Пс. съ тек-

стоишь, изъ слова въ слово, изъ формы въ форму. . имѣло цѣлью не упустить изъ виду ни одного факта, могущаго обрисовать и уяснить процессъ труда, характеръ отношенія къ нему переводчика, его знаніе чужаго языка и владѣніе своимъ роднымъ, имѣло цѣлью отвѣтить на вопросъ: былъ ли переводчикъ дѣйствительно Славянинъ“.

Отмѣченныя нашимъ авторомъ грецизмы, хотя они и немалочисленны, онъ сомнѣвается объяснить незнавіемъ славянскаго языка. „Это суть только“, говоритъ онъ, — „жертвы системы—справедливой въ своихъ основаніяхъ и не всегда прилагавшейся, какъ слѣдуетъ, на практикѣ“. Затѣмъ авторъ приводитъ слова Погодина изъ его рѣчи въ защиту славянскаго, а не греческаго происхожденія Кирилла и Меодія. „Пускай поработаютъ“, говоритъ Погодинъ, — „наши филологи надъ переводомъ Св. Писанія и отыщутъ слѣды славянскаго или иностраннаго происхожденія“. „Исторія исправленія“ (текста славянской Псалтири), прибавляетъ вслѣдъ за симъ г. Срезневскій, — „заставляетъ съ сомнѣніемъ отнести къ мнѣнію о греческомъ происхожденіи первосвятителей, основанному только на употребленіи грецизмовъ“.

Мнѣніе о греческомъ происхожденіи Кирилла и Меодія никто, сколько извѣстно, не основывалъ только или исключительно на употребленіи грецизмовъ, такъ какъ грецизмы, латинизмы, галлицизмы, и германизмы употреблялись, употребляются и будутъ, конечно, употребляться и природными Славянами. Но и отсутствіе многихъ грецизмовъ въ древнемъ славянскомъ переводѣ книгъ Св. Писанія еще не можетъ служить положительнымъ доказательствомъ въ пользу славянскаго, а не греческаго происхожденія славянскихъ апостоловъ. Чѣмъ менѣе они могли быть тверды въ языкѣ славянскомъ, тѣмъ чаще и настойчивѣе должны они были обращаться къ помощи своихъ славянскихъ учениковъ при переводѣ Св. Писанія на языкъ славянской. Не будъ извѣстно участіе П. И. Савваитова въ изданныхъ св. синодомъ переводахъ проф. Хвольсона съ еврейскаго, правильно ли бы было заключать о русскомъ происхожденіи и даже объ отличномъ знаніи русскаго языка нашимъ почтеннымъ профессоромъ?

II, стр. 93: „Образованіе этого прилагательнаго (произведеннаго отъ названія предмета, ви. греч. род. пад.) вызвано случайною необходимостью, а потому и само прилагательное представляется случайно образованнымъ, какъ образуются времена, по мѣрѣ надобности, косвенные падежи въ склоненіяхъ, какъ образуются при надобности времена и лица глагола“.

Это замѣчаніе съ претензіей на глубину поражаетъ своею легкостью и непродуманностью. По автору склоненія и спряженія, вся морфологическая часть языковъ флексивныхъ запечатлѣна временнымъ характеромъ, образована случайно и даже признана случайною необходимостью. Что же, по его мнѣнію, въ языкѣ не временнаго, не случайнаго? Случай пожалуй можетъ быть и бываетъ своего рода необходимостью, ибо во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ такъ много произвола, и слѣдовательно, случайнаго, что случай является въ нихъ по необходимости, но собственно случайной необходимости нѣтъ и быть не можетъ, ибо случайное можетъ быть и не быть, а необходимое бываетъ неизбѣжно.

I, стр. 44: „Въ первый разъ (Болонская Псалтырь) была указана Добровскимъ въ его *Institutiones*, 686, и Копитаромъ въ *Hesyehii glossographi discipulus*, 34“.

Въ первый разъ эта Псалтырь была, сколько извѣстно, указана профессоромъ еврейскаго языка Гаврииломъ Гродекомъ. Онъ родился въ Данцигѣ въ 1672 г., а въ 1695 путешествовалъ по Германіи, Голландіи, Англіи, Франціи и Италіи, гдѣ и видѣлъ въ Болоньѣ эту Псалтырь, писанную, по его мнѣнію, на сербскомъ языкѣ (*serbiana lingua, quae est slavicae dialectus*). (См. объ этомъ въ парижскомъ изданіи 1698 г. Твореній св. Аванасія Александрійскаго). Гродекъ умеръ въ 1709 г. Монфоконъ также указывалъ на Болонскую Псалтырь, какъ на *codex non spernendae vetustatis* (*Bibl. Bibliothecar. 431*)¹⁾.

II, стр. 105: „Несоотвѣтствіе такого списка съ употребляемымъ въ данное время спискомъ славянскимъ, по свойственному Славянамъ и преимущественно Русскимъ уваженію болѣе къ чужому, чѣмъ къ своему, понуждало и давало поводъ къ послѣдующимъ измѣненіямъ въ текстѣ славянскомъ, измѣненіямъ намѣренными, какъ бы исправленіямъ ошибокъ“.

Такое банальное, общее и легковѣсное мнѣніе о свойственномъ будто бы Славянамъ и особенно Русскимъ уваженіи болѣе къ чужому какъ-то не идетъ къ серьезному изслѣдованію. О пристрастіи къ чужому въ древней Руси смѣшно и говорить, въ новой же Россіи имъ заражены собственно верхніе слои русскаго общества, а въ нихъ еще смѣшнѣе отыскивать національныя свойства русскія и славянскія. У

¹⁾ См. статью *Миклошича* о сербской Псалтыри 1316 г. Бранка Младеновича въ *Starine*, IV, p. 31 (Zagreb, 1871).

автора же идетъ рѣчь о древнемъ времени и о сличеніи славянскаго перевода съ греческими рукописями или съ подлинникомъ.

При описаніи отдѣльныхъ списковъ Псалтыри, замѣчанія, о ихъ языкѣ и текстѣ, къ сожалѣнію, недостаточно рѣзко отдѣлены одиѣ отъ другихъ, и читателю, желающему ближе ознакомиться съ особенностями того или другаго списка, бываетъ нерѣдко затруднительно доискаться ихъ въ своемъ мѣстѣ или прійти къ какому-нибудь ясному и опредѣленному понятію. Авторъ иногда какъ бы брится выражаться прямо и опредѣлительно и часто, высказавшись, какъ бы пугается своей смѣлости, спѣшитъ оговориться и видоизмѣнить свое первое положеніе. Иногда онъ такъ видоизмѣняетъ его, что самъ же подвергаетъ его сомнѣнію или просто отвергаетъ.

Изученіе списковъ славянской Псалтыри привело автора къ различенію двухъ (въ разсужденіи) или собственно трехъ (въ раздававшихся на диспутъ тезисахъ) редакцій: 1) юго-славянская западная безъ толкованій; 2) русская съ чертами нарѣчій восточныхъ, безъ толкованій; 3) „отдѣльно отъ этихъ двухъ главныхъ редакцій, представляющихъ большое число списковъ, стоитъ редакція Чудовской Псалтыри, съ толкованіями Феодорита. Переводъ, однако, во всѣхъ трехъ редакціяхъ въ главныхъ чертахъ одинъ и тотъ же“ (I, стр. 2).

Эти редакціи существовали въ древнее время, и потому, говоритъ авторъ, — „возстановленіе древняго текста Славянской Псалтыри невозможно въ полномъ однообразномъ видѣ“. Тамъ же замѣчаетъ авторъ: „Рѣзко распределить всѣ списки по редакціямъ невозможно, такъ какъ нѣкоторыя представляютъ соединенія двухъ различныхъ“. Послѣ этого заявленія можно ожидать трехъ редакцій—двухъ особенныхъ и третьей, представляющей соединеніе двухъ различныхъ; даже въ крайнемъ случаѣ можно бы ожидать четыре разряда или редакцій, то-есть, можно было ожидать, что авторъ разобьетъ третью редакцію на двѣ или на два отдѣленія, при чемъ оба представляли бы соединеніе двухъ разныхъ редакцій, но одно имѣло бы болѣе сходства съ первою, а другое со второю редакціей. Но авторъ поступаетъ не такъ: у него третья редакція представлена однимъ спискомъ Чудовскимъ, и она стоитъ у него особнякомъ, отдѣльно отъ этихъ двухъ редакцій. Какія же изъ трехъ редакцій автора двѣ различныя, и какая же изъ нихъ представляетъ соединеніе двухъ различныхъ?

На той же страницѣ: „Выводы о редакціяхъ требуютъ подтвержд-

денія и дополненія на основаніи изслѣдованія другихъ памятниковъ древней переводной литературы“ (I, стр. 2).

Замѣтимъ вскользь, что выводы автора о редакціяхъ требуютъ дополненія и измѣненія на основаніи изслѣдованія даже списковъ славянской Псалтыри.

I, стр. 50: „Синодальный списокъ представляетъ типъ русскаго списка Псалтыри; онъ важенъ и по полнотѣ, и по относительной древности, и потому, что соединяетъ въ себѣ всѣ особенности русскаго редакціи, или если это названіе преждевременно, то по крайней мѣрѣ—редакціи, преимущественно употреблявшейся на Руси“.

Слѣдовательно, авторъ признаетъ возможнымъ допустить еще особую юго-славянскую западную редакцію, которая преимущественно употреблялась на Руси. Но Чудовская Псалтырь стоитъ особнякомъ, отдѣльно отъ этихъ двухъ редакцій. Это по крайней мѣрѣ уже вѣрно, думаетъ читатель. Но... на стр. 36 (ч. I) авторъ указываетъ на нѣкоторые сходства чтеній Чудовской Псалтыри съ другими списками, напримеръ, съ чтеніями Евгеніевской, Волопской, Погодинской, Толстовской, Поровской. Затѣмъ на той же и на слѣдующей (37) страницѣ сходство это онъ называетъ случайнымъ: стр. 36: „Случайное сходство въ чтеніи Чудовской съ Толстовскою“; стр. 37: „На ряду съ этими почти случайно сходными вариантами“. Сколько мнѣ кажется, почти случайно ничего особеннаго не значитъ; оно можетъ быть или случайно, или неслучайно. Судя по стр. 36, почти случайно должно значить случайно. Слѣдовательно, по свидѣтельству автора, Чудовская Псалтырь имѣетъ случайное сходство со списками, представляющими юго-славянскую западную редакцію (Волопскою, Погодинскою, Поровскою, Евгеніевскою Псалтырью).

I, стр. 37: „На ряду съ этими, почти случайно сходными вариантами (Чудовской съ сейчасъ упомянутыми), сходство (Чудовской Псалтыри) съ Новгородскими представляется довольно значительнымъ... Сходство Чудовской Псалтыри съ Новгородскими тѣмъ болѣе замѣчательно, что оно касается не одного текста, но и грамматическихъ формъ, не смотря на разстояніе двухъ столѣтій“.

Возвратимся теперь къ главнымъ выводамъ автора, которые онъ самъ же подкапываетъ и разрушаетъ.

1) Есть двѣ и даже пожалуй три редакціи Славянской Псалтыри.

Но, говоритъ затѣмъ авторъ,—„выводы о редакціи требуютъ подтвержденія и дополненія на основаніи изслѣдованія другихъ памятниковъ“, да и рѣзко распредѣлить всѣ списки по редакціямъ невоз-

можно, такъ какъ нѣкоторые представляютъ соединеніе двухъ различныхъ.

2) Есть русская редакція, отличная отъ юго-славянской западной редакціи.

Но, прибавляетъ авторъ, — можетъ быть, названіе русской редакціи преждевременно. Можетъ быть, была особая юго-славянская западная редакція, преимущественно только на Руси употреблявшаяся. Значитъ, можетъ быть, была не одна юго-славянская западная редакція, а было ихъ двѣ, русской же редакціи въ собственномъ смыслѣ и вовсе не было.

3) Чудовская Псалтырь представляетъ собою третью редакцію. Она стоитъ отдѣльно отъ юго-славянской западной и русской редакцій.

Но, возражаетъ себѣ авторъ, — Чудовская Псалтырь, которая представляетъ текстъ древній, въ большей части Псалтыри тождественный, такъ что (Чудовская Псалтырь) своею древностью, а потому и авторитетомъ, еще болѣе подтверждаетъ его несомнѣнность (стр. 38), замѣчательна собственно своими разночтеніями; эти же разночтенія имѣютъ случайное и почти случайное сходство съ списками Псалтыри юго-славянской западной редакціи, и напротивъ, представляютъ довольно значительное сходство, „тѣмъ болѣе замѣчательное, что оно касается не одного текста, но и грамматическихъ формъ“, сходство со списками русской редакціи. Слѣдовательно, Чудовская Псалтырь стоитъ не особнякомъ, не отдѣльно, а имѣетъ небольшое (стр. 36—37) и то случайное сходство съ юго-славянскою западною редакціей, и довольно значительное и замѣчательное сходство съ русскою редакціей ¹⁾. Итакъ, Чудовская Псалтырь особой третьей редакціи представлять собою не можетъ.

Сличая замѣчанія автора о Чудовской и Толстовской Псалтыри XI в., читатель въ правѣ спросить, почему же Чудовская, а не Толстовская, отнесена имъ къ третьей редакціи или даже почему Толстовская не представляетъ собою особенной четвертой редакціи.

„Вообще Толстовская Псалтырь представляетъ древній текстъ, сходный съ текстомъ, сохранившимся въ Погодинской и Болонской Псалтыряхъ и носящей въ себѣ черты, характеризующія болѣе поздніе русскіе списки. Она какъ бы составляетъ переломъ или посред-

¹⁾ Текстъ Чудовской Псалтыри представляетъ во многихъ мѣстахъ варианты, сходствующие съ нѣкоторыми другими списками. Сравнительное ихъ разсмотрѣніе привело къ заключенію, что наибольшее сходство замѣчается съ группою Новгородскихъ списковъ XIII—XIV в., причислая къ нимъ и Синодальный 1296 г. . .

ствующее звено между списками юго-славянскими и позднѣйшими русскими, соединяя въ себѣ особенности и тѣхъ, и другихъ" (I, стр. 23).

Къ сожалѣнію, авторъ словно итаетъ страхъ передъ всѣмъ яснымъ и опредѣленнымъ. Какъ бы расклавшись въ такой характеристикѣ Толстовской Псалтыри, авторъ постарался ее, по возможности, затемнить и запутать, такъ что и тутъ нерѣдко читатель остается въ совершенномъ недоумѣніи.

Вотъ характеристика отношеній разныхъ списковъ Псалтыри къ Толстовскому:

Стр. 13. „Евгеніевская Псалтырь имѣетъ въ себѣ признаки древнѣйшаго переноса и постоянно согласна съ толковою Толстовскою“.

Стр. 14. „По тексту Слуцкая Псалтырь сходна болѣе съ Толстовскою, чѣмъ съ какою-либо другою“.

Стр. 15. Вычковская Псалтырь имѣетъ въ себѣ „черты и особенности текста почти тождественной группы Новгородскихъ списковъ, причисля къ нимъ Синодальный списокъ 1296 г.“...

Стр. 16. „Среди этого сходства съ позднѣйшими Новгородскими списками замѣтна нѣкоторая близость (Вычковской) съ Толстовскимъ XI вѣка, съ которымъ впрочемъ ближе чѣмъ съ другими древними и Синодальный списокъ 1296 г. и другіе той же группы“.

Если Новгородскіе и Синодальный списки изъ древнихъ списковъ наиболее къ Толстовскому, то понятно, что Вычковская, столь близкая къ Новгородскимъ и Синодальной, должна имѣть съ Толстовскою и не нѣкоторую только близость. Если это такъ, то Вычковская Псалтырь, а съ нею и прочіе списки русской редакціи, должны быть близки по тексту и съ Евгеніевскою (постоянно согласною съ Толстовскою), и съ Слуцкою (схожею съ Толстовскою болѣе, чѣмъ какою-либо другою).

Стр. 23. „Аеонская Псалтырь наиболее сходствуетъ съ Толстовскою... Разсматривая Псалтыри Новгородскія вмѣстѣ, какъ близкія по своимъ особенностямъ, нельзя не замѣтить во всѣхъ ихъ сходства съ Толстовскою, какъ и Вычковскою. Сходство это выражается какъ въ общемъ употребленіи словъ или ихъ написанія или въ особенностяхъ текста“.

Стр. 52. „Аеонская Псалтырь по тексту своему сходна съ Псалтырями Новгородскими, Синодальною 1296 г. и Вычковскою XI вѣка.

Болѣ нежели какая другая изъ этой группы, она сходна съ Толстовскою XI вѣка, которая... представляется среднею между юсовыми и русскими списками и можетъ даже указывать на историческій ходъ рукописнаго предапія“.

Стр. 23. „Текстъ псалмовъ по Толстовской Псалтыри отличается отъ другихъ во многихъ мѣстахъ. Представляя списокъ съ Псалтыри юго-славянскаго письма, сдѣланный руками русскаго писца, Толстовская Псалтырь сходствуетъ съ Псалтырью Погодинскою въ употребленіи нѣкоторыхъ словъ... хотя во многихъ случаяхъ и отличается особымъ текстомъ или текстомъ сходнымъ съ Вычковскою, Аоонскою, Повгородскими, то-есть, вообще русскими списками“.

Итакъ, Толстовская Псалтырь стоитъ на серединѣ между юго-славянскою западною и русскою редакціей. Представляющія собою отрывки списковъ первой редакціи, Евгеніевская и Слуцкая очень близки къ Толстовской, при чемъ Евгеніевская постоянно съ нею согласна, а Слуцкая сходна съ нею болѣе чѣмъ съ какою-либо другою. Погодинская полная Псалтырь (той же редакціи) сходствуетъ съ Толстовскою въ употребленіи нѣкоторыхъ словъ. То же, конечно, надо прибавить и о Болонской, столь близко родственной Погодинскому списку (стр. 43). Но во многихъ случаяхъ текстъ Толстовской Псалтыри сходитъ съ текстомъ Вычковской, Аоонской, Повгородскими, то-есть, вообще русскими списками.

При внимательномъ чтеніи разныхъ частныхъ замѣчаній автора о Толстовской Псалтыри читатель не утверждается въ довѣріи къ общему о ней выводу автора, а напротивъ начинаетъ въ немъ сомнѣваться и недоумѣвать, почему же она „составляетъ переломъ или посредствующее звено между юго-славянскими и позднѣйшими русскими, соединяя въ себѣ особенности тѣхъ и другихъ“ (стр. 23). Не говори ужь о томъ, что такъ какъ всѣ списки представляютъ одинъ текстъ и отличаются между собою только различіями, то особенности однихъ исключаютъ особенности другихъ, и слѣдовательно, ни Толстовская, ни какая иная Псалтырь взаимно себя исключаютъ особенности, строго говоря, соединять въ себѣ не можетъ, не распространяясь ужь объ этомъ, замѣтимъ лишь, что за исключеніемъ Евгеніевской, постоянно согласной съ Толстовскою, прочіе юго-славянскіе списки (напримѣръ, Слуцкая, Погодинская, Болонская) не отличаются такимъ постояннымъ и большимъ согласіемъ съ Толстовскою. Но Евгеніевская представляетъ нѣсколько небольшихъ от-

рывковъ, а полныя Псалтыри Погодинская (и Волонская) сходствуютъ съ Толстовскою въ употребленіи нѣкоторыхъ словъ. Сходство же ея со списками русской редакціи проявляется во многихъ случаяхъ и „выражается . . . въ общемъ употребленіи словъ или ихъ написанія, или въ особенностяхъ текста“.

Послѣ этого у внимательнаго читателя готово сложится мнѣніе, что Толстовская Псалтырь не столько составляетъ переломъ или посредствующее звено между юго-славянскою и русскою редакціей, сколько разновидность наиболѣе близкую съ Чудовскою Псалтырью, у которой замѣчается случайное или почти случайное сходство со списками первой, и довольно значительное и замѣчательное сходство со списками второй редакціи. Какъ не расходится это послѣднее заключеніе съ общимъ выводомъ автора о Толстовской Псалтыри, но ему какъ будто этого еще мало. Врагъ всякихъ положительныхъ заключеній, хотя бы и своихъ собственныхъ и уже достаточно опровергшихъ его прежній собственный выводъ, авторъ поспѣшилъ поставить еще одно замѣчаніе, которое приводитъ читателя въ невольное смущеніе. Въ самомъ дѣлѣ не авторъ ли говорилъ, что Новгородскіе списки составляютъ одну почти тождественную группу, что „разсматривая Псалтыри Новгородскія вмѣстѣ, какъ близкія по своимъ особенностямъ, нельзя не замѣтить во всѣхъ ихъ сходства съ Толстовскою, какъ и съ Вычовскою“ (стр. 23), и вслѣдъ затѣмъ, на той же стр. 23 авторъ добавляетъ: „Особенности текста, общія Толстовской и нѣкоторымъ изъ Новгородскихъ, неважны и часто могутъ быть приписаны ошибкѣ писца“ (затѣмъ слѣдуютъ примѣры).

Авторъ, по видимому, совершенно пренебрегаетъ мудрымъ правиломъ французской поговорки: „il faut avoir le courage de ses opinions“ и забываетъ, что столь же мудрое изреченіе русской пословицы: „не давши слова, крѣпись, а давши слово, держись“ обязательно не только въ практической жизни, но и въ теоретическихъ задачахъ. Можно и даже слѣдуетъ въ ученыхъ изысканіяхъ не снѣнить заключеніемъ, но разъ прійди къ тому или другому выводу, не годится его болтаться, такъ легко отъ него отступать и отрекаться.

Стр. 38. „Результатомъ сравненія (Чудовской Псалтыри съ другими списками) остается только возможность предполагать нѣкоторое отношеніе или родственность группы Новгородскихъ списковъ съ Чудовскимъ, и замѣтить менѣе родственности между Волонскимъ съ Погодинскимъ и Чудовскимъ“. Мы выше видѣли, что авторъ самъ припелъ

и читателя привелъ къ такому заключенію. Но, пугаясь такой смѣлости, авторъ вслѣдъ за симъ смѣшить прибавить: „Однако родственность списковъ вообще мало значительна, такъ какъ въ каждомъ списокѣ должны быть признаны собственныя личныя особенности, которыхъ число больше у каждаго отдѣльно, чѣмъ сходныхъ чертъ у двухъ или болѣе разныхъ списковъ, хотя и принадлежащихъ къ одной группѣ“.

Дабы поколебать довѣріе къ своему заключенію или доказать свою непричастность въ томъ или другомъ заключеніи, авторъ прибѣгаетъ къ разнымъ новымъ положеніямъ, которыя совершенно противорѣчаютъ его же собственнымъ основнымъ мнѣніямъ. „Родственность списковъ славянскихъ Псалтырей (до конца XIV в.) вообще мало значительна, такъ что каждый списокъ въ отдѣльности заключаетъ въ себѣ больше личныхъ особенностей, чѣмъ два или три списка одной группы имѣютъ сходныхъ чертъ между собою“. Такимъ образомъ, на примѣръ, Погодинская и Болонская Псалтырь имѣютъ между собою гораздо болѣе несходства, чѣмъ, на примѣръ, Новгородскія имѣютъ между собою сходства, и каждый изъ Новгородскихъ списковъ разнится болѣе другъ отъ друга, чѣмъ, на примѣръ, Погодинскій и Болонскій сходны между собою. Эти два принадлежатъ, по заключенію автора, къ юго-славянской, а Новгородскіе списки къ русской редакціи. Иными словами, А и В составляютъ одну группу, а С и D — другую, и вотъ А менѣе похоже на В, чѣмъ С на D, а С менѣе похоже на D, чѣмъ А на В. Тогда что же заставляло автора отдѣлять двѣ или три редакціи, отмѣчать особия группы списковъ, если родственность списковъ вообще такъ мало значительна? И такъ, чтобы отдѣлаться отъ вывода, который неизбежно слѣдуетъ изъ его словъ въ данномъ случаѣ, авторъ прибѣгаетъ къ замѣчаніямъ, которыя совершенно разрушаютъ всѣ его основныя положенія. Понятно, что отъ признанія родственности списковъ или ея малозначительности онъ не могъ рѣшительно отказаться, и забывъ сказанное имъ на стр. 38, говоритъ на стр. 43: „Какіе близкіе родственники списки Болонскій и Погодинскій, видно изъ случайной ошибки“...

Указанные недомолвки, слабости и промахи относятся болѣе къ формальной сторонѣ труда г. В. Срезневскаго. Найдутся и другіе недостатки болѣе матеріальныя. Авторъ не все то сдѣлалъ, что было нужно для рѣшенія избраннаго имъ вопроса о возстановленіи древняго текста славянской Псалтыри.

I, стр. 59—60. „Трудно удержаться отъ предположенія, что при подробномъ изученіи Дечанской Псалтыри можно было бы найти на-

меки на то, что этотъ списокъ былъ сдѣланъ съ Псалтыри не юсовой, можетъ быть и не непосредственно, а черезъ вторія или третія руки, подобно тому, какъ Толстовская посылка на себѣ нѣкоторые намеки на переносъ съ юго-славянскаго оригинала“.

Осторожность — прекрасна и необходима, но она не означаетъ неясности и неопредѣленности, она не требуетъ отреченія и отступленія отъ всякаго ясно высказаннаго положенія. Догадка же не лишается смѣлости и не пріобрѣтаетъ вѣроятія, какъ ни закутывая ее въ разныя осторожныя выраженія. Въ филологическихъ, какъ и всякаго рода ученыхъ изысканіяхъ, можно и даже нужно прибѣгать къ догадкамъ, но только тогда, когда опыты и наблюденія не могутъ помочь разъясненію дѣла, и всегда въ такомъ случаѣ изслѣдователь долженъ высказывать свою догадку прямо и опредѣленно, не стараясь облекъ ее въ такую форму, чтобы догадка выходила какъ будто и не догадка. Въ вышеприведенномъ замѣчаніи относительно Дечанской Псалтыри нашъ авторъ, вообще столь осторожный, не соблюлъ этого необходимаго правила. Самъ онъ этой рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, изъ собранія Гильфердинга, не изучалъ. Онъ знакомъ съ нею по краткому описанію ея, сдѣланному И. И. Срезневскимъ, который напечаталъ изъ нея одинъ XXXIV псаломъ. Набѣда мало сходныхъ чтеній въ этомъ псалмѣ съ Псалтырями русской редакціи и менѣе сходства съ Цогдинскою и Болонскою, авторъ нашъ вмѣсто того, чтобы остановиться надъ этимъ и внимательно изучитъ всю рукопись въ малую восьмушку въ 201 л. средне-болгарскаго письма и правописанія съ нѣкоторыми сербскими поправками, вмѣсто того, чтобы посвятить два-три дня занятіямъ надъ этою рукописью, почелъ за благо отдался такого рода домысламъ и размышленіямъ о ней: „Трудно“, говоритъ онъ, — „удержаться отъ предположенія, что при подробномъ изученіи Дечанской Псалтыри можно было бы найдти намеки“... Мы скажемъ напротивъ: не только трудно, но легко и необходимо даже было удержаться отъ всякаго предположенія о томъ, что могло бы дать подробное изученіе Дечанской Псалтыри. Автору слѣдовало самому подробно изучитъ эту небольшую рукопись. Въ этомъ случаѣ онъ не исполнилъ своего же правила, о которомъ говоритъ въ предисловіи: „Изслѣдователь (то-есть, авторъ) поставилъ правиломъ руководиться въ изслѣдованіи рукописнымъ матеріаломъ и производить свои наблюденія надъ источниками непосредственно. Изучая не одинъ списокъ или рукопись, а памятникъ, онъ долженъ былъ возстановить образъ этого памятника изъ всѣхъ находящихся извѣстныхъ ру-

кописей" (стр. 1). Что же тутъ дѣлаетъ авторъ? Рукопись ему извѣстна и доступна. Она представляетъ для него большой интересъ. Болгарская Псалтырь XIII—XIV в. по одному XXXIV псалму представляетъ большое сходство со списками такъ-называемой авторомъ русской, а не юго-славянской западной редакціи. Самъ же онъ уже заявлялъ, что названіе „русская редакція“ можетъ быть еще преждевременно, что, можетъ быть, была еще особая юго-славянская западная редакція, только преимущественно на Руси употреблявшаяся. Конечно, автору нужно было раскрыть рукопись и внимательно ее перечестъ съ перомъ въ рукахъ для отмѣты важнѣйшихъ особенностей ея языка и текста сравнительно съ русскою и юго-славянскою редакціей. Но авторъ даже отворачивается отъ лежащей подлѣ него рукописи и предается догадкѣ, если бы-де подробно ее изучить (а кто мѣшалъ?), то можетъ быть, нашлись бы намеки на то, что она есть списокъ съ какой-нибудь древнѣйшей Псалтыри русской редакціи. Еслибъ отъ Дечанской Псалтыри ничего не дошло до насъ, кромѣ XXXIV псалма, то и тогда такое предположеніе не отличалось бы особою основательностью, тѣмъ болѣе у автора, который еще самъ сомнѣвается, не преждевременно ли названіе имъ было данное: русская редакція. Но какъ эта рукопись сохранила не одинъ XXXIV псаломъ, а большую часть Псалтыри, то такое предположеніе было совершенно излишне и неумѣстно. Авторъ говоритъ про Дечанскую Псалтырь: „Можно бы было найдти намеки на то, что этотъ списокъ былъ сдѣланъ съ Псалтыри не юсовой, можетъ быть и не непосредственно, а черезъ вторныя или третныя руки подобно тому, какъ Толстовская Псалтырь носитъ на себѣ нѣкоторые намеки на перепись съ юго-славянскаго оригинала“.

Зачѣмъ такая темнота выраженій? Къ чему не выразить открыто и прямо своей мысли? Авторъ хотѣлъ сказать, что Дечанская Псалтырь, вѣроятно, переписана съ какой-нибудь Псалтыри русской редакціи. „Списокъ былъ сдѣланъ съ Псалтыри не юсовой“. Авторъ совершенно напрасно и не разъ отождествляетъ списки, рукописи не юсовые съ русскими, и юго-славянскіе западные съ юсовыми. Онъ забылъ конечно, что сербскія рукописи столь же не юсовыя, какъ и русскія, и неменѣе юго-славянскія западныя, чѣмъ юсовыя болгарскія. „Можетъ быть и не непосредственно, а черезъ вторныя или третныя руки, подобно тому какъ Толстовская Псалтырь носитъ на себѣ нѣкоторые намеки на перепись съ юго-славянскаго оригинала“. Авторъ предполагаетъ такимъ образомъ, что Дечанская Псалтырь была

переписана въ третій или даже четвертый разъ. Первый списокъ былъ русскій, второй или третій изготовленъ былъ Болгарами, и наконецъ, опять Болгариномъ (а частью Сербомъ), писцомъ Дечанской Псалтыри. Не слишкомъ ли хитроумно такое предложеніе, и все это падъ тѣмъ, что могло быть въ собственныхъ рукахъ и изучено собственнымъ глазомъ? Подобно тому, то-есть, сравненію, аналогіи—вызывается для уясненія дѣла, для облегченія пониманія. Что же говоритъ авторъ: „подобно тому, какъ Толстовская Псалтырь носитъ на себѣ нѣкоторые намеки на перепись съ юго-славянскаго оригинала“. Но вѣдь про каждую славяно-русскую рукопись (по части Священнаго Писанія или богослужебныхъ книгъ) можно сказать то же самое. Каждая такая рукопись, а не одна Толстовская Псалтырь, носитъ на себѣ нѣкоторые намеки на перепись съ юго-славянскаго оригинала. Положимъ, что Дечанская Псалтырь была когда-то переписана съ русской Псалтыри. Развѣ это тѣ же отношенія, что есть между любую славяно-русскую рукописью (Евангеліемъ, Апостоломъ, Псалтырью) и юго-славянскимъ оригиналомъ? Вѣдь въ русскихъ спискахъ этого рода языкъ и текстъ древній, юго-славянскій, кое-гдѣ подправленный, нѣкоторыми словами и правописаніемъ выдающій свою русскую особенность.

Я уже сказалъ, что для автора рукописи не юсовья тождественны съ русскими, а юсовья съ юго-славянскими западными. Толстовская Псалтырь составляетъ посредствующее звено между списками юго-славянскими и позднѣйшими русскими (стр. 23), и ниже (стр. 52): „Толстовская Псалтырь представляется среднею между юсовыми и русскими списками“.

Такимъ образомъ въ изслѣдованіи объ языкѣ и текстѣ древне-славянской Псалтыри и въ описаніи ея списковъ до конца XIV в. совершенно забыта и оставлена безъ вниманія вся сербская православная письменность, цѣлая юго-славянская народность, цѣлая помѣтная славянская церковь, которая въ лицѣ своихъ іерарховъ и другихъ духовныхъ ученыхъ лицъ не могла же въ самомъ дѣлѣ ни разу до конца XIV в. не подумать объ исправленіи языка и текста древне-славянской Псалтыри. Хотя сербскій языкъ въ словарномъ отношеніи и тягетъ ближе къ болгарскому, въ его восточномъ и западномъ нарѣчіяхъ, чѣмъ, напротивъ, языкъ русскій къ болгарскому, по все-таки и въ XI—XIV вв. несомнѣнно были и должны были быть различныя слова и выраженія древне-славянскія, менѣе понятныя Сербу, чѣмъ Болгарину. Какъ въ старинныхъ русскихъ рукописяхъ встрѣчаются толкованія неудобно познаваемымъ рѣчамъ болгарскимъ и сербскимъ,

такъ и въ сербскихъ рукописяхъ толкуются рѣчи болгарскія. По этимъ основаніямъ необходимо допустить и признать еще особую юго-славянскую редакцію Псалтыри, именно сербскую. Авторъ ни разу, рѣшительно ни разу объ этомъ даже не обмолвился. Его какъ будто и не поразило вовсе такое отсутствіе сербской Псалтыри въ его изслѣдованіи. Положимъ, подъ рукою у него не было ни одного сербскаго списка до конца XIV в., но за неимѣніемъ рукописей ему непремѣнно слѣдовало обратиться къ старопечатнымъ сербскимъ Псалтырямъ — Цетиньской (Черноевича) 1491 г., Гораждьской 1529 г., Милешевской 1544 г., имѣющимся и въ Петербургѣ въ Публичной Библіотекѣ. Эти старопечатныя сербскія книги очень важны для языка и текста, ибо въ основаніи ихъ лежали древнія рукописи. Но нужды онѣ могутъ и должны восполнять недостатокъ рукописей. Во всякомъ случаѣ эти срубил слишкомъ достаточны для рѣшенія очень важнаго для изслѣдователя текста славянской Псалтыри въ его послѣдовательныхъ измѣненіяхъ (предисловіе, стр. 1) вопроса: была ли или не была въ древне-сербской церкви и письменности особая, своя редакція славянской Псалтыри? Наконецъ, сохранилась до насъ и древне-сербская Псалтырь съ годомъ, такъ-называемая Псалтырь Браика Младеновича 1346 г., съ важною припискою, въ которой по указаніи года, когда Псалтырь написана, сказано еще: „писана си ѱалтырь Брапко Младеновикъ а роукою многогруднааго, завитааго въ соуетни житнистѣмъ раба Божиа Івана, а зовомъ Богослава, въ мѣстѣ рекомѣмъ Борьчи, въ дѣни благогѣрнааго и богочтимааго и самодѣръжца всѣхъ сръбскихъ земель и поморьскихъ краля Стѣфана и сына моеу краля Оуроша, въ тѣ время прѣѣ господишь кроль Стѣфанъ градъ Костоуръ, градъ Вѣльградъ, градъ Каниноу“.—Рукопись въ 4-ку на пергаментѣ въ 411 л., хранится въ Румуніи, въ монастырѣ Быстрицкомъ. Она была два раза описана: 1) г. Одобеску въ *Revista Romana pentru sciinte, littere și arte*, I, 1861 (ноябрь и декабрь, стр. 703-742) и 2) Миклошичемъ въ *Starine*, IV, 1872, стр. 29—62). У Миклошича напечатаны изъ нея псалмы I, II, III, VIII, X, XVII, XXVII, CIII; слѣдовательно, слишкомъ достаточно образцовъ, чтобъ обратить вниманіе г. В. Срезневскаго. По совершенно непонятнымъ причинамъ авторъ нигдѣ, рѣшительно нигдѣ, даже въ предисловіи или въ какомъ-нибудь подстрочномъ примѣчаніи ничего, ровно ничего, не сказалъ объ этой Псалтыри и о статьѣ о ней такого достойнаго и почтеннаго ученаго, какъ Миклошичъ. Положимъ, нашъ авторъ припаялъ за правило говорить о рукописяхъ, имѣ самымъ видѣніихъ, но самъ же опъ два раза нарушилъ это правило, говоря о

Норовской Псалтыри со словъ Востокова и о Дечанской со словъ И. И. Срезневскаго. Норовская Псалтырь теперь неизвѣстно гдѣ находится, Дечанская была легко доступна автору, Псалтырь Бранка Младеновича была во всякомъ случаѣ не труднѣе доступна, чѣмъ Волонская, и во всякомъ случаѣ описана съ большимъ количествомъ изданныхъ образцовъ, чѣмъ Норовская и Дечанская, и столь же знаменитымъ и заслуженнымъ славистомъ. Правда, Миклошичъ слѣдуетъ не принятому у насъ способу печатанія древнихъ славянскихъ памятниковъ, вскрываетъ титула и пр. Но сербское правописаніе XIV в. слишкомъ извѣстно, чтобъ объ этомъ можно было въ данномъ случаѣ хотя сколько-нибудь сожалѣть. Трудъ г. В. Срезневскаго значительно выигралъ бы, еслибъ онъ обратилъ должное вниманіе на эту статью Миклошича и сличилъ изданные у него отрывки изъ Псалтыри Бранка Младеновича съ соответственными псалмами сербскихъ старопечатныхъ Псалтырей. Тогда вопросъ объ особой сербской редакціи Псалтыри былъ бы рѣшенъ положительно или отрицательно, а теперь этотъ важный вопросъ въ его изслѣдованіи даже и не поднятъ.

Быть можетъ, авторъ возразитъ, что онъ ограничилъ свое изслѣдованіе разсмотрѣніемъ пергаменныхъ рукописей до конца XIV и начала XV вѣка,—когда же паче не могъ брать во вниманіе старопечатныхъ Псалтырей. Но съ этимъ возраженіемъ нельзя вполне согласиться. Авторъ можетъ произвольно назначать себѣ границы, пока дѣло идетъ о простомъ описаніи матеріаловъ, но взявшись за изслѣдованіе, за разсмотрѣніе и сильное рѣшеніе извѣстнаго вопроса, онъ уже перестаетъ быть такимъ самовластнымъ хозяиномъ, ибо подчиняется извѣстнымъ требованіямъ, налагаемымъ на него предметомъ и задачей изслѣдованія. Г. В. Срезневскій въ предисловіи говоритъ, что для возстановленія древняго текста славянской Псалтыри важны собственно, если не исключительно, сохранившіяся пергаменные рукописи славянской Псалтыри, или иными словами, древнѣйшіе списки или рукописи до конца XIV или начала XV вѣка, когда пергаменные рукописи исчезаютъ, „и появляются все въ возрастающемъ числѣ рукописи бумажныя“. Относительно возстановленія древняго перевода, онъ, по словамъ автора, не могутъ имѣть особаго значенія, потому что представляютъ списки съ пергаменныхъ съ измѣненіями современными: „Нельзя отрицать возможности и въ рукописной Псалтыри XV в. найти такую, которая, будучи спискомъ съ не сохранившейся пергаменной, представляетъ нѣкоторыя особенности текста, но что будетъ служить доказательствомъ, что она списана съ древнѣйшей

рукописи безъ искаженій текста или исправленій намѣренныхъ для осмысленія темныхъ мѣстъ, когда нѣтъ доказательствъ древности въ ней самой, какъ въ предметѣ древнемъ*.

Итакъ, воть оправданіе автора относительно установленныхъ имъ границъ. Для возстановленія древняго текста славянской Псалтири рукописи бумажныя не могутъ имѣть особаго значенія и поэтому въ расчетъ не взяты. Особеннаго значенія онѣ не имѣютъ и имѣть не могутъ, потому что представляютъ списки съ пергаменныхъ съ измѣненіями современными. Древній текстъ славянской Псалтири, который желалъ возстановить авторъ, принадлежитъ половинѣ (второй) IX вѣка. Пергаменные же рукописи XIV, XIII, XII и XI вѣковъ представляютъ собою также списки съ пергаменныхъ съ измѣненіями современными. На такомъ основаніи и пергаменные рукописи даже XI и XII в., особенно же XIII и XIV в., не могли бы, казалось, имѣть особаго значенія. Вся трудность для автора заключается въ измѣненіяхъ современныхъ. Если такъ пугаютъ автора измѣненія и подновленія, сдѣланныя въ XV в., то отчего же не смущаютъ его измѣненія XIV, XIII, XII и XI вв.? Если критика можетъ отдѣлать отъ древняго текста позднѣйшія исправленія и измѣненія XI—XIV в., то неужели ей невозможно различить измѣненія XV вѣка? Мы привыкли называть древностью XIV вѣкъ русской и вообще славянской жизни и исторіи, но не надо же забывать, что по пространству времени онъ не ближе къ IX, чѣмъ къ нему, XIV, нашъ XIX вѣкъ. Авторъ спрашиваетъ: „Что будетъ служить доказательствомъ, что она (бумажная Псалтирь XV в.) списана съ древнѣйшей рукописи безъ искаженій или исправленій намѣренныхъ для осмысленія темныхъ мѣстъ, когда нѣтъ доказательствъ въ ней самой, какъ предметѣ древнемъ?“ Нельзя не замѣтить, что подобный вопросъ не совсѣмъ умѣстенъ въ изслѣдованіи, имѣющемъ цѣлью возстановленіе древняго текста славянской Псалтири на основаніи сличенія различныхъ списковъ славянскихъ и греческихъ. Въ чемъ же и заключается задача критика, какъ не въ опредѣленіи и указаніи настоящаго, подлиннаго, древняго и въ различеніи его отъ повѣйшаго, искаженнаго или исправленнаго? Если бы критика текста принуждена была искать доказательства подлинности и древности чтенія только въ древности самой рукописи, какъ въ древнемъ предметѣ, то критикѣ библейскаго текста, издателямъ греко-римскихъ классиковъ, средневѣковыхъ латинскихъ лѣтописей,

памятниковъ славянской письменности, переводной и оригинальной, по большей части навсегда привелось бы отказаться отъ всякой надежды на какой бы то ни было успѣхъ. Обращаясь къ славянской письменности, можно утверждать, что не мало имѣется списковъ древнѣйшихъ памятниковъ, бумажныхъ рукописей XV и XVI в., которые вообще говори, за исключеніемъ правописанія и нѣкоторыхъ частныхъ промаховъ, нерѣдко представляютъ гораздо болѣе древній текстъ и болѣе древній языкъ, чѣмъ нѣкоторыя пергаменные рукописи XIV и даже XIII в. Возьмемъ такіе возможные и бывшіе дѣйствительно случаи. Напримѣръ, какой-нибудь писецъ XIV или XIII в. списываетъ рукопись своего современника или писанную за 30, за 40 лѣтъ назадъ, и по невнимательности и небрежности или изъ пристрастія къ большей ясности и народности изложенія дозволяетъ себѣ болѣе или менѣе значительныя отступленія отъ оригинала. И вотъ другой писецъ XV или XVI в. имѣетъ передъ собою рукопись XI в., а можетъ, еще древнѣйшую, и отличающаюся строгою внимательностью, образованіемъ и любовью къ древности, старается при перепискѣ какъ можно ближе и точнѣе держаться подлинника. Нѣтъ сомнѣнія, и у него не обойдется безъ описокъ и промаховъ, явно обличающихъ новое время, но за то у него сохраняются многіе и многіе слѣды древности въ текстѣ и языкѣ, и окажется грамматическихъ формъ и словъ гораздо болѣе древнихъ и важныхъ, чѣмъ въ работѣ вышеуказаннаго писца XIII или XIV в. Книга Пророчествъ Упыря Лихаго (конца XV в.) списанная съ пергаменной рукописи, девятаго годами древнѣйшей чѣмъ Остромирово Евангеліе, есть драгоценнѣйшій памятникъ не изъ-за одной рѣдкости списковъ Пророчествъ. Житіе св. Саввы Палестинскаго, извѣстное по бумажнымъ спискамъ XV и XVI в., есть одинъ изъ драгоценнѣйшихъ памятниковъ славянской письменности; словари Востокова и Миклошича украшены многими замѣчательнѣйшими реченіями изъ него.

Нашъ авторъ самъ, кажется, чувствовалъ неудовлетворительность своего основанія и доводовъ о бесполезности бумажныхъ рукописей Псалтыри. Онъ еще разъ къ нимъ обращается. Замѣтивъ, что отъ XIV в. Псалтырей сохранилось не мало, онъ прибавляетъ: „Еще болѣе осталось отъ XV в.; списки этихъ вѣковъ уже теряютъ свою важность для возстановленія древняго перевода, такъ какъ носить на себѣ слѣды позднѣйшаго правописанія и позднѣйшихъ исправленій“.

Такъ какъ древній переводъ Псалтыри сдѣланъ приблизительно не позже второй половины IX в., и какъ въ древнѣйшихъ сохранившихся до насъ спискахъ славянской Псалтыри XI—XII в. мы находимъ значительныя разночтенія, то слѣдовательно, въ нихъ падаются и слѣды позднѣйшаго правописанія и позднѣйшихъ исправленій.

Легче автору смѣшать съ чертами IX в. позднѣйшія черты и исправленія XV или XI—XII в. „Быть можетъ, въ какомъ-нибудь списокѣ XV в. и попались бы черты сходныя со списками XI в., но онѣ могутъ имѣть значеніе только какъ подтвержденіе дознанныхъ особенностей древнихъ списковъ, но едва ли представить дополненіе какихъ-нибудь неизвѣстныхъ особенностей, хотя бы и тождественныхъ съ древнѣйшими греческими текстами; никто не можетъ поручиться, что эти-то древнѣйшіе греческіе списки и служили подлинникомъ для первоначальнаго перевода, а не для позднѣйшихъ исправленій“ (I, стр. 10).

Конечно, не было никакой надобности автору представлять подробное описаніе рукописей XV в., но мнѣ кажется, было бы необходимо просмотрѣть побольше бумажныхъ Псалтырей. Онѣ особенно бы пригодились по вопросу о редакціяхъ, установленныхъ было авторомъ. Впрочемъ, авторъ самъ все это чувствовалъ и признавалъ. Такъ, на стр. 56 говоря о Хлудовской Псалтыри съ годомъ 1211—1212 г., которую относитъ не къ XIII, а къ XV в., онъ замѣчаетъ: „Не есть ли (у автора: если) Хлудовская Псалтырь списокъ болѣе поздній съ Псалтыри древней, которая и была написана въ 1211—1212 гг. спустя лѣтъ 20 послѣ Болонской, и при перепискѣ того оригинала былъ списанъ вмѣстѣ и годъ ея, какъ указывающій на важность и древность ея. Конечно, рукопись, какъ вещь менѣе древняя, чѣмъ привыкли ее считать по записи, теряетъ въ своей цѣнности, но какъ представляющая списокъ древней редакціи перевода, которыхъ такъ немного, значительно выигрываетъ въ значеніи предъ рукописями хотя XIII в., но иной редакціи“.

На стр. 38: „Текстъ псалмовъ при Θεодоритовыхъ толкованіяхъ во всякомъ случаѣ представляетъ бѣльшія особенности, чѣмъ какой-либо другой, и потому требовалъ бы изученія не въ одномъ списокѣ XI в., сохранившемъ только треть или даже четверть всей Псалтыри, но и въ списокѣ XIV в., бывшемъ подъ руками у Востокова

при собираніи матеріаловъ для словаря и описаннымъ имъ въ числѣ рукописей Румянцевскаго музея; также слѣдовало бы обратить вниманіе и на списки XV в. на бумагѣ, которыхъ цѣлый рядъ сохранился въ той же библіотекѣ Чудова монастыря“.

Этими вѣрными замѣчаніями автора, приводя ихъ въ подтвержденіе нашего ему возраженія относительно неважности будто бумажныхъ рукописей XV в., мы и закончимъ наши замѣтки на его старательный трудъ, и въ заключеніе пожелаемъ ему еще съ большимъ успѣхомъ и лучшими результатами также старательно трудиться на почвѣ, столь глубоко вспаханной и прославленной трудами его знаменитаго отца.

В. Ламанскій.

ПОПРАВКА.

Во II-мъ отдѣлѣ іюньской книжки, въ статьѣ В. И. Модестова: „О предметѣ и пр. классической филологіи“, вкратчѣ двѣ слѣдующія типографскія ошибки.

Напечатано:

Должно быть:

Стр. 163, строка 13-я сверху:

Тибуллова Dialogus

Тацитова Dialogus

Стр. 165, строка 12-я снизу:

École practique

École pratique.